

ПОСТОЯННОЕ

НАПРЯЖЕНИЕ

РОМАН СЕНЧИН

**Москва
2017**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С31

Оформление серии *Е. Анисиной*

Сенчин, Роман Валерьевич.

С31 Постоянное напряжение : сборник / Роман Сенчин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-089970-8

Герои представленных в книге рассказов — жители мегаполисов, маленьких городков и деревень. Казалось бы, разные, они очень похожи друг на друга. Задавленные грузом схожих проблем, они незаметно проживают свои тихие жизни. Одним из ярких представителей народа, населяющего мир Сенчина, можно назвать охранника Назарова, который крепко держится за свой рабочий стул и трясется от мысли, что же будет, когда ресторан закроют. Автор безжалостен к своим героям и предельно честен с собой. Он не рассуждает, но констатирует, предоставляя читателям возможность самим ставить вопросы и находить ответы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089970-8

© Сенчин Р., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

К МУЖУ

— Ты на хрена воду из морозилки в фарш херачишь? — с возмущением, будто эту воду лили ей на голову, спросила Светлаха.

— От ледяной фарш сочнее будет. Женя любит сочные пермячи.

Разговаривать Марине не хотелось, но — надо. Если не отвечать, не реагировать на Светлаху, она запросто могла вышвырнуть.

— М-м, сочные любит... — Светлаха сморщилась. — Сперва сядут, а потом все чины выведут.

Она была злой на парней и мужиков на зоне, а девушкам и женам, которые приезжали их навещать, сочувствовала. Но требовала сочувствия и к себе. Столько этих откинувшихся зэков прокочевали через ее избушку, и ни один не задержался. И вряд ли уже кто задержится.

Светлахе далеко за полтинник, худая, изожженная плохой водкой и спиртом, не верящая в мужчин...

— Женя из еды никогда ничего не просил. Это я с тех пор помню... Ну, — Марина споткнулась, прошлое показалось ей выдумкой, ее девичьей фантазией, которую она до сих пор хранит, оживляет в себе, — ну когда вместе были.

— Двадцать кэгэ макарон — и пускай радуется. — Но видимо, почувствовав, что перебарщивает, надо смягчиться,

Светлаха махнула рукой: — Как знаешь. Жарь, мне газа не жалко.

Не вслух, конечно, про себя, Марина усмехнулась:

«Ну дак, не жалко — пятьсот рублей получила, чтоб я тут могла...»

Изба Светлахи давным-давно служила этакой кухней для женщин, приехавших издалека, чтоб приготовить домашние блюда. Запекали бараньи ноги, варили борщ с мозговой костью, лепили пельмени, манты, позы, пекли пироги... Женя очень любил пермячи. Такие пирожки вроде беляшей, но плоские, с кружочком открытого мяса, из несдобного теста. Говорит, бабушка ему в детстве такие жарила. И вот уже пять лет, с тех пор как Женю перевели на эту зону, Марина в этой избе жарит пермячи. И всякий раз Светлаха возмущается, злится, а потом машет рукой...

Порезала тесто на ровные доли, раскатала, положила на каждую лепеху пахнущий луком и перцем фарш. Не рассчитала, и фарша осталось прилично. «Ладно, — решила, — пускай остается Светлахе. На котлеты».

Стала заворачивать тесто и облеплять фарш. Сразу жарить не надо — пусть постоит. Будет вкуснее.

А время уже поджимало. Через час сквозь поселок поедет маршрутка, а через два нужно быть в домике, где приехавшие на свидание пишут заявления и перечень продуктов и вещей, потрошат сигаретные пачки, разворачивают конфеты. В общем, готовятся к досмотру... Потом приходит инспектор и собирает заявления. Опаздывать нельзя.

Семь лет Марина видится с Женей по трое суток два раза в год. Два года на одной зоне, а пять лет — здесь.

Их поселяют в маленькой комнате с фанерной дверью. Они спят вместе на скрипучей, с ямами, будто нарочно сделанными для неудобства, кушетке. Марина будет кормить Женю привезенными салатами, пермячами, готовить хоть и простую — борщ настоящий на тамошней кухоньке не сварить,

пирог не испечь, — но все же домашнюю еду; они даже в душ могут ходить вместе...

Жене дали десять лет за участие в преступном сообществе. Хищения, торговля наркотиками, угрозы убийства... Обвинения во время следствия и на суде были страшными, ущерб огромным; казалось, укравшие, наторговавшие столько должны быть богатеями. А в клетке сидели восемь молодых, щуплых, с недоуменными лицами парнишек со станции эстэо. И никаких особых денег у них не обнаружили, никаких дворцов и яхт. Да и какие дворцы и яхты в их городке из пяти улиц, на речке, в которой самое глубокое место по пояс...

На первых свиданиях с мужем Марина спрашивала: «Это правда? Правда, что вы все это делали?» Женя кривил лицо: «Подстава». И давал понять — подставили такие серьезные люди из области, что лучше оттянуть десять лет, чем сопротивляться. А может, и не подставлял никто. Иногда против воли Марине начинало мечтаться, что вот выходит Женя, и они уезжают далеко-далеко, в какой-нибудь полусказочный Сочи или вообще за границу. И дальше, как в фильмах — Женя привозит ее к огромному дому на берегу моря и говорит: «Вот, здесь мы теперь будем жить». А у длинного пирса покачивается на лазурных волнах белая яхта. Небольшая, но с такой уютной каютой...

Взяла тяжелую, всю в рытвинах чугунную сковороду, поставила на плиту. Бросила на сковороду кусок животного жира — на растилке не так вкусно получается. Подождала, покрутила сковороду, чтобы жир растекся равномерно. Принялась выкладывать пермячи дырочками вниз... Чувствовала на себе печальный взгляд Светлахи.

Кто ее назвал так? Наверное, какой-нибудь из первых ее мужчин, из тех, кого она любила. Поэтому и прижилось, и при знакомстве она гордо представлялась — Светлаха. Этакая своя деваха, кровь с молоком. А на самом деле, и она это быстро вспоминает, — сморщенная копченая селедка.

А Марина еще ничего, еще держится. Двадцать семь лет. Детей, правда, нет, хоть и стараются с Женей на каждом свидании. Но может, это так и правильно, что пока не получается. Не дает бог. Вот выйдет Женя, или по крайней мере на поселение переведут, и случится.

— Попробуешь? — переноса первые пожаренные пермячи из сковороды в термоящик, предложила Светлахе.

— Да чего их пробовать? Я ж знаю — ты у нас мастерица. Вообще, знаешь, люблюсь тобой... Но жалко.

Марину толкнуло заспорить, что нечего ее жалеть, все уж точно не хуже, чем у нее, Светлахи. Проглотила толчок, лишь пожала плечами: «Как хочешь».

Вкусный запах разбудил аппетит. Но есть сейчас было неудобно, да и уже некогда... Марина прибралась на столе, помыла сковороду, упаковала сумку.

— Что ж, — вздохнула с сожалением и облегчением, — пошла я. Спасибо, Света.

— Не благодари... Я понимаю. Да и твоя пятихатка агонию мою на недельку продлит. Еще вот мяса оставила. Тебе, в общем, спасибо.

Мороз ударил сразу, в сенях. Перехватило дыхание. Середина марта, а давит совсем зимний, под тридцать... Вышла во двор, тесный, заваленный ломаными — на топку — досками, нераспиленными бревешками... Может, часть этой пятихатки Светлаха потратит, чтоб нанять местных попилить, поколоть бревешки. Пить она вроде не особо пьет. Марина не видела ее пьяной... Чего не хватило, чтоб сложилась жизнь?..

Сумок было две, не считая маленькой, женской. В одной продукты, в другой шлифовальные диски, тубы с клеем, какие-то уголки, которые по заказу Жени она накупила в строительном магазине. Ему надо хорошо работать, чтобы скорее перевели на поселение, а для перевыполнения плана необходимы вот эти диски и прочее. Там, на зоне, ничего у них нет — хоть пальцем болты закручивай.

Небо чистое, светло-светло голубое. Совсем как то море, какое виделось Марине в ее невольных, ненужных, но, наверное, спасительных от уныния мечтах... Снег хрустел оглушительно, как рассыпанный сахар. Избы были черные, какие-то все кривые, и напоминали полегшее стадо огромных буйволов. Или мамонтов... Тут часто находят кости мамонтов... А деревья были прекрасны — все в снежном пуху. Как в фильме «Морозко».

Марина старалась отвлекаться такими мыслями, чтобы не чувствовать тяжести сумок. Но в конце концов в голове осталось одно: сейчас поставлю, сейчас поставлю и отдохну. Цеплялась взглядом за очередной столб вдоль улицы, приказывала себе дойти до него, а дойдя, цеплялась за следующий: лучше до этого.

Нет, всё. Опустила свои клетчатые баулы на утоптаный снег. Разогнула спину, выдохнула густым, плотным столбом пара. Под пуховиком, кофтой, майкой струйками бежал горячий пот. Щипал кожу возле лямок лифчика...

Стоять так, без дела, было глупо и обидно. И накатывала тревога — я вот так стою, а маршрутка уже подъезжает к остановке, я стою, а она уезжает... График движения тут соблюдается относительно. Десять-пятнадцать минут плюс-минус в порядке вещей.

Подхватила сумки и сразу почувствовала, что руки совсем не отдохнули. И внизу живота стало давить... Зря столько набрала. Но все нужное. Да и, по сути-то, что тут весу — по десять с небольшим килограммов в каждой сумке... Что ж она такая слабая стала?

Но позади был день в поезде, потом почти день в край-центре в ожидании автобуса в этот район, за который она накупила колбасы, сметаны, масла, кефира, еще разного, что быстро портится. Вчера поздно вечером притащилась в избушку Светлахи, спала часа четыре, а утром стала готовить пермячи... Конечно, устала. Ну тут уже близко до остановки — вон тот переулочек, и там уже главная улица. Слева почти

сразу столб с рамкой, в которой когда-то было расписание движения автобусов...

Сзади загудело. Марина подалась в сторону. Еще собьют.

Проползла фиолетовая, с пятнами ржавчины по низу кузова «Газель» и, почти перекрыв путь Марине, остановилась. Передняя пассажирская дверь открылась, высунулась голова мужчины в черной ушанке.

— Далёко? — спросил мужчина. — Если что — могу подвезти.

— Да мне тут... Мне рядом. — И она стала обходить «Газель»; разговаривать, а тем более ехать с незнакомым было опасно.

— Вы не бойтесь. Я верующий, — сказал мужчина. — Я вижу — на зону. А я по той дороге как раз...

— У меня с деньгами плохо.

— Да не надо денег. Грузись, и поехали. Я не обижу. Честно.

И Марина послушалась. Откатила боковую дверь, впихнула в салон сумки, забралась сама. «Газель» толчком тронулась.

С минуту водитель молчал, и Марине было хорошо в эту минуту, а потом — начал:

— Эх, сколько вас мотается, бедные вы женщины... Судьба... И ведь бесконечен этот круг. Бесконечен. Его разорвать надо. Выйти из круга этого. Праведно жить... Это трудно, согласен, но надо. Иначе — ад. И земная жизнь адом будет, и потом...

Он помолчал, видимо, ожидая слов от Марины. Марина не отвечала... Водитель покопался рукой рядом со своим сиденьем, достал тоненькую книжицу.

— Вот, почитайте, пожалуйста. — Протянул Марине. — Может, мужу передадите. Ему полезно будет.

Марина приняла ее, глянула обложку. «Сторожевая башня». На картинке рука тянется к кошельку с деньгами. Ниже подпись: «Стоит ли быть честным?»

— Спасибо.

Конечно, это она Жене не отдаст. Да и не разрешат наверняка. Любая литература уходит на проверку в особый отдел, а «Сторожевая башня», как она где-то слышала, чуть ли не запрещена. Сектантство, что ли...

Убрала подарок в маленькую сумку. Старалась не слушать возобновившийся монолог водителя... Бередит, прямо режет душу своими простыми вроде бы, но такими сложными в реальной жизни истинами. Спасибо еще, вопросов не задает, не расспрашивает, за что мужа посадили, исправляется или как...

Смотрела из салона в ветровое стекло, торопила «газельку». Скорей бы увидеть зону, скорей бы доехать.

Дорога петляла через перевал, огибая вершины. Машина то ползла еле-еле, задыхаясь и отчаянно взрывая, то катилась легко, мотора становилось не слышно. Только свист ветра. По обочинам среди валунов и гольцов торчали совсем мертвые сейчас лиственницы, кривые березки, и лишь иногда радовали густой зеленью сосны.

А, вот знакомый поворот. Крутой, слепой; дорога здесь сужается, обтекая выпирающую скальную стену. С другой стороны — ущелье. Машины снижают скорость до предела, крадутся, водители высовываются из окон, стараюсь разглядеть, пуста ли дорога впереди. Встречки на этих сотне-другой метрах практически нет, и два грузовика разъезжаются с великим трудом.

За поворотом же начинается долгий пологий спуск, и внизу — зона. Отсюда, сверху, среди тайги она представляется какой-то базой инопланетян. Высоченные бетонные стены, какие-то то ли ангары, то ли цеха с полукруглыми белыми крышами. Впечатление, что под этими крышами могут храниться только летающие тарелки... Труба, но странная, тоже белая, толстая, заметно сужающаяся кверху. И повсюду развешаны огромные зеленоватые сетки. Марина знает их назначение, но ей каждый раз представляется, что это какая-то маскировка... Даже вышки необычные, похожи на башенки или маяки.

Но вблизи зона вполне себе земная. Бродят недалеко от стен какие-то старики, будто томясь свободой, ходят торопливо мужчины и женщины в военной форме; в полукилометре находится деревушка, и домишки ее такие ветхие и убогие, вокруг такая грязь, что Марина ни разу не решилась узнать, можно ли где-то здесь жарить свои пермячи.

— Спасибо, вот тут я выйду, — сказала водителю.

Тот стал тормозить и остановил «Газель». Дождавшись, пока Марина вытащит сумки, сказал назидательно:

— Вы подумайте над тем, о чем я говорил. Ведь так можно всю жизнь промучиться, а вы вон какая еще молодая.

— Хорошо, хорошо. Спасибо.

Когда Женю посадили, Марина начала выяснять о порядках в тюрьме, колонии, какие свидания предусмотрены, передачи, посылки. Их тогда человек двадцать собралось — родители, жены, девушки, братья, сестры посаженных... У Марины появились приятельницы — девушки, женщины, чьи парни, мужья, родные находились в заключении. И чего только от них она не наслушалась. Как обыскивают, заставляя раздеваться догола, забираясь руками в резиновых перчатках во все отверстия, даже веки оттягивают, чтоб убедиться, что ничего запрещенного за ними нет...

На первое длительное свидание Марина шла на подкашивающихся от страха и стыда ногах. Ее даже вырвало чем-то желтоватым и горьким... Но обыска как такового не было. По крайней мере как описывали приятельницы. Всё прошло благополучно.

А теперь на свидания она ездит как на работу. Деловито, сосредоточенно. Всё изучив за эти годы, отточив движения.

Вот домик рядом со стеной. Он довольно приличный по сравнению с теми, в деревушке. Этот домик для тех, кто приехал побыть с заключенными. Вернее, подготовиться.

Марина втащила сумки, упала на скамейку. Отдохнуть. Время еще есть... Отдохнуть, а потом приняться.

За длинным, через всю единственную комнату, столом уже сидят женщины, работают. Одни распаковывают сигаретные пачки, вытаскивают фольгу и кладут сигареты обратно, разворачивают конфеты и бросают их в один целлофановый пакет, а фантики — в другой; потом будут вместе с мужьями, женихами, отцами заворачивать обратно... Другие, разложив продукты, вещи, заполняют бланки: сколько чего привезли. Два килограмма копченой колбасы, пять пакетов макарон по пятьсот граммов, три плитки шоколада (из которого тоже нужно вынуть фольгу), три пачки кефира... Третьи пишут заявления на свидание; вообще-то заявления уже месяца два-три как пересланы в колонию, но требуется написать еще раз здесь — типа, прибыли, просим предоставить...

Марина поднялась и стала разгружать свои сумки. То же самое предстоит проделать и ей.

Минут через десять в домик вошла огромного — за два метра — роста, крупная, но не толстая, не грузная женщина. Женщина-богатырь. Это инспектор Надежда Юрьевна. Она незлая, даже пусть со специфическим, но чувством юмора, но при ее виде Марина всегда теряет, обмирает. Словно в чем-то виновна, и сейчас Надежда Юрьевна возьмет ее двумя пальцами за шею и посадит в камеру.

— Здорово, девчата! — говорит инспектор, не повышая голоса, но воздух в комнате вздрагивает. — Готовы?

— Здравствуйте... Почти... Сейчас закончим...

— Так, сдаем заявления.

Шурша бумажками, люди по одному подходили к Надежде Юрьевне. Та бегло просматривала текст.

— А это что за курица лапой? Ни слова не понять... и перечеркано.

— Волновалась, — лепечет молоденькая девочка.

— Все волнуются... Первый раз, что ли?

— Да...

— К кому?

— К брату.

— Краткосрочное у тебя?

— Да... Там указано.

— Указано... Говорю ж, ни слова не понять... Ладно. Так, — и от этого «так» воздух снова вздрагивает, — закругляйтесь, и через десять минут — у двери. Все знают дверь?

— Все... Да...

— Кто не знает — идите за остальными. И предупреждаю, — инструктор грозно оглядела стол с горами продуктов, — без сюрпризов в передачах. Всё найду, а неприятности вам надо?

— Нет... Не надо.

Надежда Юрьевна уходит. Все облегченно опускаются на лавки и стулья. Выдыхают, и словно бы слышится в этих выдохах: слава богу, пронесло-о...

Шуршат фантиками, скрипят фольгой интенсивнее, и Марина тоже торопится. Кто раньше подойдет к двери, тот скорее пройдет досмотр, вселится в лучшую комнату. Вторая от кухоньки комната — самая лучшая. Она небольшая, зато в ней одна широкая кровать, крепкий стол, шкаф для одежды. И решетка широкая, сквозь прутья можно в форточку голову просунуть и сделать несколько затяжек сигаретой. Женя курит, а во время свиданий нельзя теперь. Ни курилки, ничего. Он мучается, и близость с ней ему, она чувствует, не очень-то в радость... Издевательство, конечно, запрещать курить три дня человеку...

Хорошо, что многое дома, а потом у Светлахи подготовила. Сгребла то, что вынимала, обратно в сумки и побежала к двери. Ну как побежала — со стороны это наверняка выглядело потешно: сначала выбрасывает правую сумку вперед, делает шаг, потом — левую, и новый шаг. Такой вот бег с нагрузкой...

По дороге вспомнила про брошюрку, вынула из сумки, бросила на землю так, словно бы случайно... Хорошо, что вспомнила — там, на обыске, из-за любого пустяка сложности могут возникнуть.

У двери уже топтались две женщины. Марина и не заметила, как они покинули домик. Тоже с сумками, друг с

другом не общаются. Порознь... Эх, накрывается удобная комната.

Дверь была в глубине стены и напоминала вход в штольню или туннель. Крепкая стальная дверь с глазком. Подобные, наверное, и в камерах... Марина много расспрашивала, как живет Женя, и он рассказывал, смотрела передачи, ролики в интернете, и все равно по-настоящему не могла представить как, что, как возможно жить без часа одиночества столько лет, спать среди храпящих, сопящих, стонущих во сне мужчин. «Это как в армии, — усмехался Женя, — почти».

Не могла она представить, как и сама прожила эти годы. Каждый день был мучительным, непереносимым, а глянешь — вот уже три месяца прошло, вот полгода, год... И ее родители, и родители Жени помогали, поддерживали, но все равно она была одна. Одна, без мужа.

В первые три года родители Жени часто писали ему письма, с нетерпением ждали дня, когда можно отправить посылку, ездили на свидания, а потом... Устали, что ли, отчаялись, потеряли веру, что он когда-нибудь выйдет. Может, и обиделись всерьез, до смерти, что обрек их на такую старость своим сроком. И когда Марина заговаривала с ними о Жене, они каменели, отвечали односложно, через силу. Зато ее любили и жалели, и все чаще намекали, чтоб меняла как-то жизнь, не губила лучшие годы.

Дверь хрустнула засовами, открылась, и вышли парень и девушка в новеньких камуфлированных бушлатах. Улыбались друг другу игриво.

— Ты меня, Настьк, на понты не бери, — говорил парень, — где ты училась, я там — учил. Знай.

— Ой, ой, — отозвалась девушка, — бугор шестого барака. Видали...

Они прошли мимо женщин и мужчин, выстроившихся вереницей, направились в сторону деревеньки.

Марина достала из кармана мобильный, посмотрела время. Десять минут, объявленные Надеждой Юрьевной, давно